

Министерство образования и науки Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский Археологический музей Национальной Академии Наук
Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Национальной
Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск VIII

**Одесса
ФЛП «Фридман А.С.»
2008**

ББК 63.3(237Ук,7)
УДК 902/904
Д73

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол №5 от 12 февраля 2008 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. – 392 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов VIII Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 12-14 марта 2008 г. Выпуск включает статьи, посвященные проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – ответственный секретарь, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссев Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смытына Е.В. – д.и.н., проф., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., проф. кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука**, председателя Овидиопольского районного совета.*

ISBN 966-96181-5-0

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2008

³ Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С.54-55.

⁴ Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // Археология СССР, выпуск Е1-19. – М., 1973. – С. 43, 86-87.

⁵ Там же. – С. 27-28.

⁶ Добролюбский А.О. Черные клобуки в Поднестровье и Побужье // Древности степного Причерноморья и Крыма, №1. – Запорожье, 1990. – С. 157.

⁷ Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // Археология СССР, выпуск Е1-19. – М., 1973. – С. 20, 43.

⁸ Там же. – С. 20.

⁹ Манзура И.В., Клочко Е.О., Савва Е.Н. Каменные курганы. – Кишинев, 1992. – С. 94.

¹⁰ Добролюбский А.О. Черные клобуки в Поднестровье и Побужье // Древности степного Причерноморья и Крыма, №1. – Запорожье, 1990. – С. 156

¹¹ Там же. – С. 154.

¹² Кравец В.В. Раннемусульманские погребения кочевников в Среднем Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж 2002. – С. 195.

¹³ Агульников С., Савва Е., Исследования курганов на левобережье Днестра. – Кишинев, 2004. – С. 227-228

П.Н. Котляров (Киев, Украина)

ФИЛИПП МЕЛАНХТОН И ПРАВОСЛАВИЕ: ПОИСКИ СОЮЗНИКОВ

Реформационное движение, возникшее в результате выступления Мартина Лютера против злоупотреблений индульгенциями, с самого начала пользовалось поддержкой в среде князей, бюргеров, рыцарства и крестьянства. Несостоятельность императорской власти внутри страны, интриги Франции, проблемы в Италии и неослабевающая угроза турецкого нашествия не давали возможности императору Карлу V создать могущественную католическую коалицию для эффективного противостояния лютеранству. В результате на Аугсбургском рейстаге 1555 г. император вынужденно согласился с принципами «Аугсбургского вероисповедания» и подтвердил постановление Первого Шпееерского рейхстага 1526 г. «*cuius regio eius religio*» («Чья власть, того и вера»). Хотя постановления Аугсбургского рейстага 1555 г. надолго закрепили политическую раздробленность Германии, они вместе с тем предоставили Реформации уникальную возможность не только закрепиться на уже завоеванных позициях, но и далее проводить активную религиозно-территориальную экспансию. Устойчивая тенденция к расширению ареала владений приверженцев Аугсбургского вероисповедания наблюдалась почти до конца 80-х годов XVI в.

Но вопреки впечатляющим успехам Реформации, ее идеологи все же осознавали некую нелегитимность нового движения, которую, на их

взгляд, можно было бы хоть частично устранить за счет унии с авторитетным и могущественным союзником. Римо-католическая церковь по понятным причинам таким союзником стать не могла, со швейцарскими цвинглианами Лютера окончательно рассорил Марбургский диспут 1529 г., не складывались отношения и с женевским кальвинизмом. Длительные переговоры с монархами Англии и Франции также не принесли ожидаемых результатов и ограничились лишь ситуативными военными союзами.

Таким образом, не найдя понимания на Западе, лютеране нацелили свою дипломатию на Восток, предполагая, что союзником мог бы стать давний оппонент католицизма – ортодоксальный Константинополь во главе с Патриархом.

Следует заметить, что протестантские руководители еще с первых лет Реформации с явной симпатией обращали свой взор в сторону Константинополя, полагая, что незначительные отличия в управлении церковью и догматике легко устранимы, а христианское единство, покоящееся на большинстве общих обрядов и догматике – вполне возможно. Более того, по мнению реформаторов, союзниками и адептами обновленной религии должны быть неримские народы: «...московиты, белорусы, греки и другие немалые народы в мире... ..которые веруют так как мы, принимают крещение как мы, проповедают как мы, живут как мы...»¹

Первые экуменические мессиджи к ортодоксальной греческой церкви прозвучали еще на заре Реформации во время Лейпцигского диспута 1519 г., когда разгорелась полемика относительно проблемы подчинения и взаимоотношений светской и церковной власти. Тогда Лютер, в качестве аргумента, указал доктору Экку² на многовековой опыт существования христианской церкви в условиях непризнания папского примата, но зависимой вначале от светской власти христианского государя, а позднее – от исламского султана³.

Собственно, полемика Лейпцигского диспута еще раз обнажила существующую проблему неоднозначного отношения католического общества к практике сосуществования восточного христианства и ислама в границах одного государства и одновременно более четко обозначила новую линию противостояния католицизма и православия. Речь идет, прежде всего, о том, что падение Константинополя в 1453 г. и непрекращающаяся исламская угроза поставили перед западным миром ряд важных вопросов. Например, не является ли падение восточного центра христианства наказанием за непризнание папского первенства? Может ли церковь, находясь под владычеством исламской Османской империи, оставаться истинной? Не указывает ли сам факт завоевания Константинополя на то, что грекам необходимо радикально пересмотреть свою доктрину? В полемике с Лютером доктор Экк, защищая папский

примат, обобщил существующие вопросы и высказал господствующую среди католиков мысль, что «греки, не признавая римское первенство, за долгие годы стали не только схизматиками, но и ужасными еретиками»⁴.

Ответ Лютера на обвинение греков был чрезвычайно эмоционален и ярк. Он заявил, что гибель земного царства нельзя приравнивать к потере истинной веры: «Разве может вера погибнуть после уничтожения государства, разве можно делать вывод, что с греками нет Христа, если они не имеют собственного государства? С тем же успехом можно утверждать, что мученики побеждены адом... ..если существует первенство римской церкви, то все епископы Константинополя и Александрии, все великие Отцы Церкви – Василий, Григорий, которые не знали и не слышали о *jure divino* – разве они теперь прокляты как еретики? И неужели папа будет их изгонять с небес?»⁵.

Тем не менее, если защита и оправдание ортодоксальной церкви у Мартина Лютера были в большей мере вызваны логикой развития Лейпцигского диспута и ситуативной потребностью в защите собственных позиций, то у его ближайшего соратника Филиппа Меланхтона, свидетеля и участника словесной дуэли, в скором времени выкристаллизовалась идея сближения лютеранства и православия на почве общности догматики. Робкие шаги в этом направлении просматриваются в последовавшей после диспута переписке⁶.

Впрочем, едва ли можно утверждать, что до 1530 г. экуменическое движение в отношении Константинополя приобрело большую популярность и пламенных приверженцев в лагере лютеран. Ситуация существенно изменилась после Аугсбургского рейхстага 1530 г. Как известно, вплоть до этого момента Меланхтон не терял надежды на примирение с католической церковью. Именно эта идея-фикс двигала им при написании известного Аугсбургского вероисповедания – главного вероисповедного документа лютеран, содержащего в большинстве своих статей компромисс и желание примирить обе церкви. Но даже и этот умеренный документ не мог удовлетворить римскую церковь и императора Карла V, ставившего немецких князей – сторонников Реформации – на одну доску с турками⁷. Неудивительно, что в такой ситуации даже на компромиссные статьи документа обрушился шквал критики. Стало понятно – мира не будет. Как следствие, из-под пера Меланхтона в 1531 г. вышла новая работа – «Апология Аугсбургского вероисповедания», отличавшаяся достаточной резкостью. Именно тогда, когда возникла крайняя потребность в союзниках, у Меланхтона снова появляется идея сближения с Константинопольской церковью.

Но зададимся вопросом: была ли эта идея актуальной для Константинополя? Скорее всего, нет. Действительно, к большому разочарованию лютеран, греки длительное время не слишком интересовались новым течением. События, происходившие в религиозной

жизни Западной церкви, казались им достаточно туманными, неясными и далекими. Ситуация изменилась лишь после того, как очевидные успехи лютеран стали общеизвестным фактом. Именно это и побудило Константинопольского Патриарха Иосафа II ближе познакомиться с новым религиозным движением. Поэтому, желая получить максимально достоверные данные, в 1559 г. в Виттенберг прибыл диакон Деметрий Мизос, который на шесть месяцев поселился в доме Меланхтона. Для Востока открылась уникальная возможность получить ответы на свои вопросы непосредственно от первых лиц протестантской церкви Германии.

Судя по более поздним письмам Меланхтона, реформатор остался доволен общением с константинопольским послом. Действительно, визит оказался весьма полезным. Во-первых, лютеране получили достаточно исчерпывающую информацию о церковной жизни христиан под властью Османской империи. Услышанное подтвердило бытующее у лютеран мнение о возможности сосуществования христианской церкви и мусульманской власти в границах одного государства. В письме к Матеузису Меланхтон, информируя своего коллегу о состоянии церкви в Малой Азии и Греции, не без восторга писал: «Бог сохранил церковь во Фракии, Азии и Греции, как когда-то трех юношей в огненной печи»⁸. В том же письме Меланхтон, пересказывая слова Деметрия о существовании теологической школы на острове Хиос, продолжал: «Мы благодарим истинного Бога и его Сына Иисуса Христа, за то, что Он могущественной рукой сохранил маленькое стадо верных, которые правильно славят Бога и правильно к Нему обращаются»⁹.

Но еще важнее было то, что этот визит вселял определенный оптимизм в вопрос о возможном объединении церквей. Ведь, по убеждению Меланхтона, между ними существует общность догматики, их объединяет историческая наследственность, они одинаково придерживаются Святого Писания и обрядности, почитают общих Отцов Церкви¹⁰. Далее, дабы подтвердить свои слова, Меланхтон ссылается на пример Деметрия: «...сам Деметрий посещал наши церковные собрания и слышал то, чему мы учим. Он может подтвердить, что мы богобоязненно придерживаемся Святого Писания, пророческих и апостольских посланий, а также догматических канонов святых синодов и учения отцов – Афанасия, Василия, Григория, Епифания, Ириней и прочих, мыслящих, так же, как мы»¹¹. Понимая, что объединяющим началом могут стать не только общие догматические воззрения, но и общие враги, Меланхтон не преминул упомянуть об этом, подчеркнув, что: «вместе с тем, мы испытываем отвращение к манихеям, мусульманам, и прочим врагам Господним, которых отвергает Церковь Божья»¹².

Следует заметить, что среди множества имен Отцов Церкви Меланхтон сознательно не упоминает так чтимых в латинском мире

Тертуллиана и Августина. Отдельной колкостью в адрес католической церкви звучала и следующая фраза: «...мы учим, что истинная религия состоит в истинной вере и послушании Божественным постановлениям, а не в самовольно придуманных культах и формах, созданных против воли Божьей неучеными монахами»¹³.

Во время пребывания Деметрия в Виттенберге произошло важное событие – публикация Аугсбургского вероисповедания на греческом языке (*Augustana Graeca*). Сегодня имеются два его печатных издания. Первое вышло в Базеле в 1559 г. и состоит из 114 страниц греческого текста. В предисловии указывалось, что переводчиком и автором предисловия был врач и школьный ректор Пауль Дольч (*Paulus Dolscius*). Второй экземпляр, или второе двуязычное (греко-латинское) издание, включенное в «*Acta Scripta*» и содержащее работы вюртембергских теологов вместе с перепиской 1573-1581 гг., между Тюбингеном и Константинополем, увидело свет в 1584 г.¹⁴

Сегодня греческие переводы выдвигают перед исследователями ряд вопросов. Главный из них заключается в том, почему Пауль Дольч, а не лично автор Аугсбургского вероисповедания осуществил перевод и написал предисловие? Это кажется тем более странным, если учесть, что равного Меланхтону знатока греческого языка к тому времени среди виттенбергских реформаторов не существовало. И вообще с трудом верится, чтобы Меланхтон, сознавая значимость события, отстранился от столь важной работы, которая нуждалась не просто в механическом переводе, но требовала существенного корректирования, внесения изменений, дополнений, объяснений и вообще адаптации к греческому мировоззрению. Как убеждает анализ источников, латинский и греческий варианты содержат существенные текстуальные отличия (иногда это радикальные перефразировки, а кое-где и полная переработка официального текста), что дает повод называть *Augustana Graeca* не «переводом» Аугсбургского вероисповедания, а его «версией». Думается, что только автор – тот, кто создал первоначальный текст, имел право вносить столь существенные правки. Видимо, нежелание афишировать свою принадлежность к авторству объяснялось тем, что Меланхтон не желал в очередной раз навлекать на себя критику из лагеря лютеран за свою экуменическую деятельность, за попытки поиска компромиссов с католиками и кальвинистами.

К сожалению, сегодня существует лишь несколько современных исследований касающихся этих переводов¹⁵. Но они не дают исчерпывающего ответа на все вопросы, а лишь очерчивают круг проблем, требующих основательного исследования.

Греческий вариант Аугсбургского вероисповедания был отправлен в Константинополь с Деметрием в том же 1559 г. Меланхтон очень надеялся на быстрый ответ и положительное решение. Однако

долгожданный ответ пришел в Виттенберг лишь в 1576 г., т.е. через 16 лет после смерти Меланхтона. Последующие переговоры не принесли лютеранам желаемого результата: религиозное объединение не состоялось.

Хотя в процессе длительных переговоров между Виттенбергом и Константинополем Филиппу Меланхтону не удалось достичь своей главной цели и создать православно-лютеранский союз, все же благодаря его личному общению и переписке западное христианство ближе познакомилось с греческой православной церковью, спецификой ее богословия и особенностями функционирования христианской церкви в пределах исламского государства. Реформаторы получили важный аргумент в пользу возможности существования отдельной церкви без признания ею верховенства римского понтифика. Главное же состоит в том, что экуменическая деятельность Ф. Меланхтона положила начало широкому диалогу между православием и протестантизмом, наметила тот круг вопросов и проблем, решение которых потребует усилий еще не одного поколения теологов.

---

¹ WA 6, 287.

² Доктор Экк, католический богослов, оппонент Лютера на Лейпцигском диспуте.

³ WA Br. 1.422

⁴ WA 2, 269.

⁵ WA 2, 277.

⁶ CR. 1, 87-88.

⁷ Ивонин Ю Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI века. Днепропетровск, 1994. – С. 29.

⁸ CR 9 925.No.6828

⁹ Ibidem

¹⁰ Ibidem

¹¹ Ibidem

¹² CR 9 925.No.6828

¹³ Ibidem.

¹⁴ Acta et Scripta Theologorum Wirtembergensium, et Patriarchae Constantinopolitani D. Hieremiae, quae utrique ab anno MDLXXVI usque ad annum MDLXXXI de Augustana Con-fessione inter se miserunt: graece et latine ab iisdem Theologis edita. – Wilttenberg, 1584.

¹⁵ Benz E. Die griechische Übersetzung der Confessio Augustana aus dem Jahre 1559 // Wittenberg und Byzanz. – Marbourg, 1949. – S. 94-128; Fraenkel P. Testimonia Patrum. – Geneve, 1961. – S. 332-337; Kretschmar G. Die Confessio Augustana Graeca // Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. – Göttingen, 1970. – S. 11-39.